

ДАРСИ ЛИ

Сердце

Невероятная
история любви
и выживания
в лагере смерти

Аушвица

INSPIRIA

Москва

УДК 821.112.2-94(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л55

DAS HERZ VON AUSCHWITZ
Darcy Lee

© 2025 by Wilhelm Goldmann Verlag,
a division of Penguin Random House Verlagsgruppe GmbH,
München, Germany

Перевод с немецкого *Анны Лоскутовой*

Ли, Дарси.

Л55 Сердце Аушвица. Невероятная история любви и выживания в лагере смерти / Дарси Ли ; [перевод с немецкого А. Лоскутовой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-217985-3

1938 год. Юная Джини живет в Кракове жизнью, полной музыки, танцев, и мечтает учиться в консерватории. Знакомство с молодым музыкантом Феликсом кажется началом счастливой жизни — но война разрушает их мир, разлучая влюбленных и отправляя Джини в Аушвиц, а Феликса — в Дахау.

В лагере, где любое проявление участия могло стоить жизни, Феликс вырезает из своей обуви крошечное сердце с фотографией и запиской и пытается передать его в Аушвиц. Чтобы этот знак дошел до Джини, понадобились рискованные решения по обе стороны проволоки: одни нарушали правила, продолжая видеть в узниках людей, другие решались доверять и просить о помощи, рискуя жизнью.

Найденное много лет спустя, это сердце становится ключом к семейной памяти и голосом поколения, пережившего холокост. «Сердце Аушвица» — история о том, как любовь, дружба и взаимопомощь могут зародиться даже там, где, казалось бы, не остается места для человеческого.

УДК 821.112.2-94(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Анна Лоскутова, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-217985-3

Примечание редактора оригинального издания

История Джини и Феликса, переживших Холокост, записана их внучкой Дарси Ли. Книга представляет собой художественную переработку воспоминаний узников нацистских лагерей Аушвиц и Дахау. Автор опирается прежде всего на устные воспоминания бабушки и дедушки, дополненные расшифровками аудиозаписей Джини. В книгу также вошли дневники Галины Нелькен, невестки Джини, которая разделила с ней ужасы лагеря Аушвиц.

Поскольку в основе повествования лежат живые воспоминания, не каждая деталь поддается документальному подтверждению. Для защиты личных прав характеры некоторых персонажей были частично изменены, а реальные события в ряде случаев облечены в художественную форму. Это, в частности, относится к сюжетной линии, связанной с описанием любовной связи между невесткой Джини и ээсовцем. По понятным причинам никаких документальных свидетельств такой связи не сохранилось, поэтому у семьи нет достоверной информации по этому вопросу.

Персонаж ээсовца Бюттнера, упоминающийся в книге, является вымышленным и используется исключительно в рамках художественного повествования.

ПРОЛОГ

2008 год

В тот день, маясь от безделья, я задумчиво бродила среди высоких сосен, росших в нашем саду, в надежде найти себе какое-нибудь развлечение. Мое внимание привлекла сосновая шишка — я подняла ее с земли и невольно залюбовалась идеально выточенными рядами острых чешуек. Погладила пальцем одну из них и вдруг ощутила, что сверху на меня упала крупная капля дождя. Я взглянула на небо и нахмурилась — прямо надо мной собирались тяжелые, мрачные тучи.

Знакомый голос окликнул меня. Я обернулась и увидела, что на пороге дома, уперев руки в бедра, стояла мама. Ее поза говорила сама за себя: живо домой, пока не начался ливень. По-прежнему сжимая в руке шишку, я лихорадочно перебирала в голове возможные аргументы, чтобы выторговать себе еще несколько минут в саду. Но мама уже начала свой отсчет.

— Один, два, три...

Мое лицо просветлело. Стрелой метнувшись в дом, я прошмыгнула мимо мамы и вихрем промчалась через гостиную и кухню в поисках подхо-

дящего убежища. Места, где она меня ни за что не найдет.

— ...шесть, семь...

Сердце бешено колотилось, а я все еще металась по дому. Внезапно я оказалась в дальней части дома — гостевой спальне, куда мы редко заглядывали. Сперва мелькнула мысль спрятаться под кроватью, но я тут же отбросила ее. Слишком очевидно! В отчаянии я огляделась в поисках более подходящего укрытия.

— ...восемь, девять, десять...

Мой взгляд упал на шкаф. Радостно взвизгнув, я одним рывком распахнула дверцы и тут же погрузилась в облако густой пыли. Кашляя и отмахиваясь от взметнувшейся пелены, я протиснулась вглубь шкафа, захлопнула дверь и укрылась в спасительной темноте. Устроилась поудобнее среди старой одежды, упакованной в пластиковые мешки.

— ...пятнадцать, шестнадцать...

Раздвинув пыльные игрушки, я постаралась сжаться в комок, чтобы стать как можно меньше и уместиться за громоздким ящиком с консервами. Мне с трудом удалось немного сдвинуть неподъемные припасы в сторону и протиснуться поглубже. Безмолвно ликуя, я уселась на корточки и обхватила колени руками.

— ...восемнадцать, девятнадцать, двадцать!

Раньше я здесь никогда не пряталась; маме понадобится целая вечность, чтобы меня найти. Так и вышло — минуты тянулись бесконечно долго. Мне стало скучно, и я со вздохом откинулась на шершавый бок ящика. Через щель в двери в шкаф прони-

кала узкая полоска дневного света, вычерчивая на моих руках причудливые узоры. Мой взгляд устремился в глубины шкафа и выхватил из мрака небольшую обувную коробку, приютившуюся в дальнем углу. Она была вся опутана густой паутиной, а крышку покрывал толстый слой серой пыли. Затаив дыхание, опасаясь, что выдам себя малейшим шорохом, я потянулась к коробке, осторожно поднесла ее к глазам и обомлела. «НЕ ОТКРЫВАТЬ!» — надпись на крышке, начертанная жирными черными буквами, казалась магическим заклинанием. Что же могло скрываться внутри? Стая тараканов? Или какое-нибудь чудовище, заточенное там мамой много лет назад?

Задумчиво склонив голову, я медлила. Раз мама написала это предостережение, значит, я должна к нему прислушаться. С другой стороны... Меня раздирало желание приоткрыть завесу тайны. Во мне пробудился ребенок, жаждущий открытий, стремящийся познать мир во всех его проявлениях. Не пора ли Пандоре открыть свой ящик?

Дрожащие пальцы коснулись крышки, но я замерла в нерешительности. Готова ли я узнать секрет, что таился внутри? А вдруг там скрыта сила, способная преобразить меня до неузнаваемости, и я никогда уже не буду прежней? Воображение рисовало пугающие картины, волнение нарастало с каждым мгновением. Но любопытство все-таки одержало верх над страхом перед неизвестностью.

— Вперед, — прошептала я дрожащими губами, чувствуя, как бешено колотится мое сердце.

Крышка откинулась, и взору представилась стопка фотографий. На самой верхней — мои юные бабушка и дедушка, запечатленные на палубе большого лайнера. Я с облегчением вздохнула. Да, все верно. Послевоенная эмиграция из Польши на огромном военном корабле. Ухмыльнувшись, я покачала головой, мысленно упрекая себя за излишнюю впечатлительность. Монстры в шкафу — какая нелепость! Я вернула фотографию на место, собираясь закрыть крышку.

Но в этот момент мой взгляд задержался на странном предмете. Небольшой сверток. Я достала его из коробки и осторожно ощупала. Внутри лежало старое, потертое сердце, вырезанное из грубой сапожной кожи. Вынув поделку, я внимательно оглядела ее со всех сторон. Два куска кожи, скрепленные неровными стежками, а между ними — тонкая, едва различимая щель, забитая грязью и жиром. Дрожащими пальцами я открыла медальон. Луч света выхватил из темноты два бледных лица, застывших в момент поцелуя: трепетно склонившись к бабушке, дедушка прижимался губами к щеке своей возлюбленной. Сияние радости, исходившее от лица бабушки, не смогло померкнуть даже сквозь пелену десятилетий. Я буквально физически ощутила волну любви, которая словно сметала все на своем пути. Дыхание перехватило, в горле встал ком. Сжимая в руке маленькое кожаное сердечко, я чувствовала, как мое собственное сердце трепещет от волнения. Отчего эта любовь кажется такой сильной? Какая трагедия могла сделать ее такой несокрушимой? Как зародилось это чувство и как оно связано со мной?

Я положила сердце обратно в пакет и сдвинула фотографии в сторону. И тут, словно по волшебству, в моей руке вдруг очутилось еще одно фото. Я поднесла его к узкой полоске света. Первое, что бросилось мне в глаза, — татуировка с номером: A26460. Затем рука, на которой она была сделана. От испуга я выронила фотографию, отшатнулась и ударилась спиной о жесткий бок ящика с консервами.

Нерешительно протянув руку, я извлекла из стопки еще один снимок. Большой палец скользнул по выпуклому лицу бабушки. Она стояла под зловещей аркой с надписью *Arbeit macht frei* — «Труд освобождает».

Эхом в сознании отозвался голос школьной учительницы, перед глазами всплыли картинки со страниц учебников. Холокост. Уроки истории. В одной руке у меня была фотография бабушки в Аушвице, в другой — кожаное сердце. Прошлое вышло наружу, но я до сих пор никак не могла его осознать. Какое отношение моя семья имеет к этой бездне ужаса? Я ощущала себя птицей, парящей высоко над гнездом, которая видит его очертания, но никак не может спуститься. Поглощенная коробкой и ее зловещим содержимым, я даже не услышала, как распахнулись дверцы шкафа.

Внутри ворвался ослепительный поток света. Я медленно поднялась и повернулась к маме. Улыбка застыла на ее лице, когда взгляд упал на кожаное сердце, сжатое в моей ладони.

— Зачем ты... — ее голос дрогнул и оборвался.

Глаза наполнила невыразимая боль. В ней отразилась травма, которую она годами хранила глубоко внутри. Безуспешно пытаясь смахнуть набегавшие слезы, она встретила мой ищущий взгляд. Надежда,

желание, нет — потребность узнать, понять, что она скрывала все эти годы, — вот что говорили мои глаза. С тихим вздохом она протянула мне руку.

— Пойдем. Тебе бы все равно когда-нибудь пришлось узнать, — слабая улыбка тронула ее губы. — Знаешь, ведь мы... мы — евреи.

Я нахмурилась, не понимая. Евреи? Это... невозможно. Мы же католики! Мои пальцы судорожно сжали кожаное сердечко.

— Мама, что это значит?

* * *

«Список Шиндлера» обрушился на меня лавиной — слезы текли сами собой, а вместе с ними поднимались давно забытые, но, как оказалось, живые вопросы. Более полувека семейные тайны хранились под замком, и именно этот фильм, как объяснила мама, стал тем ключом, который подтолкнул мою бабушку наконец выпустить их наружу. История моих родных ожила, превращаясь в симфонию о любви, силе музыки и невообразимом ужасе геноцида.

Я узнала о кожаном сердечке, которое мой дед вырезал из голенища ботинка, — и о невероятном пути этого маленького талисмана от Дахау до Аушвица. Узнала о том, как их любовь зародилась среди кошмара гетто и была вынесена ими через всю войну. И о другой, запретной любви: между эсэсовцем и юной еврейкой, моей двоюродной бабушкой, которую от смерти спас человек, для которого однажды любовь оказалась сильнее мундира. И, наконец, в этой истории возник дядя моей бабушки — управ-

ляющий той самой кофейни, запечатленной в фильме. Его имя долгие годы окутывал туман подозрений: говорили, что он был шпионом.

Когда на экране пошли финальные титры, на меня навалилась тяжесть скорби о миллионах сломанных судеб. Тети, дяди, двоюродные братья и сестры, бабушки и дедушки... их было неисчислимо много. Я почувствовала, как мама коснулась моей руки, но не смогла вымолвить ни слова — лишь бесильно покачала головой.

— Я не говорила тебе раньше, потому что... это слишком больно. Ночами крики моей мамы сотрясали наш дом, и теперь ты понимаешь почему. Я не хотела, чтобы и ты несла этот груз, — прошептала мама, словно выдыхая последние силы.

Я сжала ее пальцы. Что-то мягко коснулось моих коленей — старая семейная фотография.

— Теперь мы их наследники, — сказала мама уже более твердо.

Я взяла снимок и взгляделась в незнакомые лица. Я их не знала, и все же... живот свело от волнения. Сердце затрепетало, словно стремясь вырваться и дотронуться до каждого из них. На языке застыл вопрос, но я не решалась произнести его вслух. Внутри я уже знала ответ — знала, кто запечатлен на этой фотографии. Я закусила губу и лишь крепче сжала снимок.

— Наша семья, — тихо сказала мама. — Этих двух крошек застрелили в канализации, когда они пытались бежать из гетто. Пожилую женщину в центре забрали нацисты — и она не вернулась. А вот его расстреляли здесь же, вместе с этой красивой женщиной... о ее судьбе мы так ничего и не узнали. Так что...

– Хватит. Я поняла, – слишком резко оборвала я ее.

Меня всегда мучил вопрос, почему у нас так мало родственников. Теперь ответ обрушился на меня с оглушительной ясностью. Их отняли у нас. Нацисты. И ненависть, которая не знала границ. В голове все громче звучали слова мамы:

«Теперь мы их наследники».

Да. Именно так.

Я поднялась, прижала фотографию к груди и, крепче взяв маму за руку, подняла взгляд. Вглядываясь в будущее, которое они завещали нам сохранить.

*Маленькая Дарси на коленях у Джини.
Имя для внучки выбрала ее бабушка.*

КОНЕЦ

1945 год

Солнечные лучи, пронзая редкую листву, заливали светом могучие стволы и пустынные дворы. Казалось, даже муравьи, копошащиеся в пыли, чувствовали это обжигающее прикосновение. Как же нелепо: солнце стало насмешкой, жестоким напоминанием об утраченной надежде. Его свет щедро лился на землю — почти так же щедро, как кровь, что сейчас хлестала из ее раны.

Кровь наполняла ботинок, но она ничего не ощущала. Ноги превратились в онемевшие, синие от холода обрубки. Их тела — сплошная кожа да кости, повинуются лишь тупой, животной воле к жизни. Многие уже пали жертвой морозной стужи, и ни истошные крики детей, трясущих своих мертвых матерей, ни хриплые вопли мужчин, склоняющихся над окоченевшими телами жен, не могли вернуть их к жизни. Она давно научилась распознавать взгляд смерти — безошибочно видела, когда кто-то балансирует на краю. Видела, когда сердце сдается в борьбе с голодом, а душа — под тяжестью всепоглощающей усталости.

Бездумно вытащив пулю из каблука, она отбросила ее в сторону. Если бы в ней оставалась хоть капля надежды, что она выживет, она непременно сохранила бы эту находку — на удачу. Но надежды не осталось. Годами ей твердили, что их всех ждет гибель, и теперь, в преддверии конца, она поверила. Ее безмолвные молитвы наконец услышаны. Она не вздрогнула, когда чей-то череп раскололся о камень, и лишь моргнула, когда рядом рухнуло искореженное тело. Да, нацисты расстреляют ее — как и всех остальных.

Шесть долгих лет, прожитых лицом к лицу со смертью, и вот наконец настал ее черед. В груди поднялось странное, почти благоговейное чувство: она бы с облегчением отдалась в холодные объятия смерти. Ей не раз чудился ее тихий, манящий зов. И пока эсэсовцы деловито вытаскивали на мост все новые и новые тела, она приняла решение — покориться.

— Галина... я больше не могу. Я не вынесу, — выдохнула она, утопая в мерном стуке сапог и глухом звуке падающих тел.

— Надо.

— Я не могу... Наверное, это конец.

Если она остановится, то умрет. И наивно надеялась: стоит лишь застыть на месте — и ей просто выстрелят в голову. Все закончится быстро и почти без боли. Когда перед глазами сотни тел корчатся в предсмертной агонии, пока не вырвется последний, рваный вздох, начинаешь мечтать о другой, милосердной смерти.